

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Невеста трех женихов

Блестящие отзывы Льва Аннинского

Книги переведены на японский язык

Лабиринты души

Галина Артемьева

Невеста трех женихов

«ЭКСМО»

2011

Артемьева Г. М.

Невеста трех женихов / Г. М. Артемьева — «Эксмо»,
2011 — (Лабиринты души)

ISBN 978-5-699-51052-8

Собираясь замуж за красавца Марио, Света не сомневалась, что ее ждет счастье. Но в одну из ночей в дверь ее постучали с просьбой о помощи: умирает человек, и помочь ему, кроме нее, Светы, некому. Девушка согласилась, приняв у себя больного парня, и выходила его, хотя уже догадывалась, что незнакомец – киллер. «Я на тебе женюсь!» – заявил пациент, не слушая никаких возражений «невесты». Теперь у Светы уже два жениха, а там, где два, вероятно появление и третьего...

ISBN 978-5-699-51052-8

© Артемьева Г. М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

СДЕЛАЙ ДОБРОЕ ДЕЛО!	5
1. «Ему бы отлежаться...»	5
2. Чудо	7
3. «Подыхаю!..»	9
4. «Я помогу тебе выжить»	12
5. Все получится!	15
6. Подруги	16
7. Прощальный разговор	20
В ДРУГУЮ ЖИЗНЬ	25
1. Как жилось, не зная страха	25
2. Открыть глаза	27
3. Было и быльем поросло	29
ТОЛЬКО ТЫ	34
1. Встреча	34
2. Объяснение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Артемьева

Невеста трех женихов

Я видел смерть: она в молчаньи села

У мирного порога моего...

А. С. Пушкин

СДЕЛАЙ ДОБРОЕ ДЕЛО!

1. «Ему бы отлежаться...»

Она уже все раздала, что кому-то могло пригодиться из ее старой жизни, ничего не хотела брать с собой. До отъезда оставалось две недели.

Светка каждый день встречалась с подругами, ходила по любимым клубам, легко прощалась со всеми. И тут подвернулся этот Марат, Марашка, как все его называли. Она мало его знала. Просто веселый человек. Всюду свой. Всегда у него есть лишний флаер в клуб, всегда он в курсе всего.

Расцеловались, как родные.

– Когда отбываешь?

– Ровно четырнадцать дней осталось. И на пятнадцатый – ту-ту! – Светка расставила руки, изобразив самолет.

– Слушай, у меня к тебе дельце. – Марашка нежно обнял ее за плечи и отвел в сторонку. – Реально помочь надо. Тут у меня один парнишка знакомый, провинциал, после операции. Ему бы недельку-другую отлежаться спокойно, в себя прийти. А то у него такая штуковина была... Этот... Гнойный аппендицит случился, вот. Ты же знаешь, как им, бедным, со своими паспортами: менты на улице останавливают, если нездешний, заметут как миленького. А у него до сих пор температура повышенная. Жалко человека.

– Чего ж его выписали, с повышенной? – Светке тоже резали аппендицит, и она отлично помнила, как назойливо лезли в больницу с градусником утром, днем и вечером, да еще и пугались, если температура была хотя бы 37,2.

– Хы! Выписали! Да он сам выписался. Не смейся меня. Деньги кончились – вот тебе и вся выписка. Ты что? Не в курсах? Их же в Москве только за бабло лечат. Плохо быть гостем столицы.

Светкин внутренний голос выразил некое сомнение. Ну как бы, например, ее бабушка-хирург выперла пациента из больницы на основании бедности? Совсем даже наоборот. Сколько Светка себя помнила, бабушка вечно носила из дома что-нибудь вкусненькое одиноким больным, а то, бывало, и лекарства за свои деньги покупала. Впрочем, что... «Было-было-было – и прошло, о-о-о, о-о-о!» Времена пошли совсем другие. И врачи другие. И порядки. Всякое может быть.

– А чем я-то могу помочь? Ты же сам знаешь, мои все уехали. Бабушка далеко. Если только по телефону с ней посоветоваться...

– Да нет, ему не врачи... Врачи уже свое дело сделали. Ему бы отлежаться в покое. Просто тихо отлежаться, сил набраться. Никаких хлопот. Парень тихий, скромный. Слабый очень после хирургии. Ему даже и есть-то много нельзя: морсики там всякие... – Марат спохватился и поспешно добавил: – На это у него денежки есть, ты не думай.

– Ты его ко мне домой, что ли, уложить хочешь? – дошло наконец до Светки.

– Светк! Ты же настоящий человек! У тебя же гены хорошие заложены в организме. Ну, помоги напоследок соотечественнику, и тебе воздастся сполна. Вот увидишь! Люди должны протягивать друг другу руку помощи. Кто знает, может, и тебе когда понадобится...

– Да ладно, ладно, – остановила красноречивый поток генетическая гуманистка. – Пусть. Пусть лежит, долечивается. Мне не жалко. Только я за ним ухаживать точно не смогу. У меня сейчас сплошные прощания-проводы. Еще мы с Инкой и Аськой русскую свадьбу готовим. Представь: никто знать не знает, какие были раньше эти русские свадьбы. Все по крупицам собираем. Они там думают, мы такие все исконно-посконные, натуральные, фольклорные. Я-то сдуру пообещала... Думала, просто: хороводы поводим, «Во поле березонька стояла» споем. А это на несколько дней история. Опера с продолжением. Как у Вагнера.

– Вот бы мне глянуть на оперу вашу, – позавидовал Марашка.

– Прилетай! – просто так позвала Светка, прекрасно зная, что никакого «прилета» не будет. – Но если ты мне сейчас какого-нибудь афериста подсовываешь, то квартира практически пустая, взять совершенно нечего. Если только мебель или холодильник. Но он его не вытянет. Надорвется после своего аппендицита.

– Эх, жаль, – вздохнул Маратик, – а я его как раз на твой холодильник нацелил. Раритет как-никак. Хорошо, что предупредила. Дам ему отбой. Пусть просто так долеживает. Без переноса тяжестей.

Светка засмеялась. Легко ей было с Марашкой общаться. Все понимал человек с ходу.

– А Дорис ваша где? – вспомнил вдруг приятель главную свою любовь.

– Дорис уже мои к себе забрали. Скучаю без нее. Утром просыпаюсь и жду, что она ко мне запрыгнет. А ее нет. Как страшный сон.

– Главное – выздоровела. Вот чудо! – вздохнул Марат.

2. Чудо

У кого хоть раз в жизни была собака-друг, тот поймет. Для остальных этот источник счастья, взаимопонимания и искренней дружбы пока тайна. Такое переживается только на собственном опыте, но никак не с чужих слов.

Когда-то Светка принесла свое счастье из зоомагазина за пазухой. Крошечный черный мягчайший колобок таращился огромными круглыми глазами на ту, кого отныне предстояло любить и радовать всеми своими силами. А сил у такой крохи оказалось очень даже много. Пекинесы – очень яркие индивидуальности, упертые до невозможности, готовые стоять на своем, если уж что задумали, безоглядно и бескомпромиссно... И друзья они – вернее не бывает.

У Светки тогда грусть лежала на сердце. Дорис большую часть грусти вытеснила своим неутомимым желанием играть, гоняться за людьми, грызть их тапки, получать постоянно ласку, любовь, внимание. Лаская кого-то, получаешь отличное настроение, любя, преумножаешь любовь, играя, веселишься. Все так. Но есть и еще что-то. Когда появляется у человека друг – не человек, открываются новые горизонты понимания того, что не только люди наделены душой, что можно общаться без слов, и понимать, и помогать, и – главное: не врать. Большинство слов врет. Даже не желая того. Просто потому, что их можно понять по-разному. Говоришь одно, а понимают сказанное совсем по-другому.

Без слов лучше. Любить, прощать, не стремясь понять даже. Просто любить, без всяких оговорок, что бы любимый случайно ни совершил. Любить, и все.

Люди все же так любить не умеют. Жаль. Дорис умела. Она вытесняла любую печаль настойчивым желанием обратить на себя внимание. Она требовала взаимности. И яблок. Яблоки любила она почти так же, как Светку. Стоило достать из холодильника яблоко, раздавался громкий стон снизу. Где бы ни была в этот момент вездесущая малышка, она стремглав неслась к предмету своего вождения и подпрыгивала, ударяла лапой по ноге того, в чьих руках находилось яблоко:

– Не забудь! С тебя причитается!

Однажды Светка в задумчивости грызла яблоко, идя по коридору от кухни в свою комнату, и не понимала, почему следом по нарастающей несется скорбный вой с привизгиваниями и всхлипами.

– Что, Дорюша? Что случилось?

Но вой не прекращался, пока Светка не догадалась: яблоко! Она посмела не поделиться! О ужас!

Она немедленно отдала яблоко бедняжке. Вопли мгновенно утихли. Дорис достойно удалилась с добычей в зубах.

До чего глупы бывают люди! Как им все надо подсказать и напомнить – уму непостижимо!

Все у них было хорошо – лучше не придумаешь.

Но недавно Дорис забилась под диван, отказываясь есть и пить. Глаза ее заволоклись пленкой. Из-под дивана доносился хрип. Не храп, а именно хрип, который очень пугал Свету. К вечеру она вызвала скорую ветеринарную помощь.

Врач сказал, что горлышко у больной все опухло, температура зашкаливала.

– Еду давали из холодильника?

– Нет! Никогда не давала и не даем!

Похоже, врач не поверил. Прописал но-шпу, антигистаминное, чтоб отек снять. Посоветовал сдать анализы. Но так посоветовал, что Светка как бы прочитала между строк: надежды все равно нет, сдайте для успокоения совести.

Дорис между тем от лекарств если и полегчало, то на самую малую чуточку. Она смогла попить водички, которую ей принесла Светка. Вот и все улучшение.

Повезли ее на анализы. От Дорис пахло совсем-совсем больным существом. Она безвольно лежала в одеялке, не в силах голову поднять, и хрипела.

Это было невыносимо страшно. И несправедливо. Что случилось, как понять-то? Огромный врач-ветеринар в районной лечебнице набросился на Светлану:

– Запустили! У нее уже почки отказывают! И печень! Не жилец! И деньги не тратьте, последние часы живет!

– Нет, – не согласилась Светка, – буду тратить. И буду все делать, чтоб она поправилась.

Решили ставить капельницу, просто чтоб подкрепить несчастную страдалицу. Дорис не сопротивлялась, не сводя со Светки глаз. Не было у нее сил даже хвостиком махнуть. Угасала. Врач срезал ножницами шерстку на лапке, чтоб было видно, куда вводить иглу, и вдруг радостно завопил:

– Вот он, гад! Насосался!

Именно в том месте, куда надо было вкалывать иглу, торчал огромный раздувшийся клещ.

– Ну, повезло! – радовался доктор. – Просто нереальное везение! Если б не нашли, не кончились бы ее страдания, вернее, кончились бы, но уже насовсем.

Подлый клещ был извлечен.

Началось ежедневное лечение. Две недели все силы уходили на Дорис. Светка возила ее три раза в день на процедуры.

– Она выздоровеет! – поверил даже врач наконец. – Она очень хочет выздороветь, я это с первого момента понял. Она не сдавалась, глазки не закрывала. Просила помочь.

Конечно, хотела выздороветь! Она же знала, как ее любят! Она знала, как нужна ее жизнь! И вот – старалась изо всех сил!

А что было бы, если бы Светка сдалась? Сказала бы:

– Ах, нельзя ничем помочь! Как жаль! Усыпляют.

Даже подумать страшно!

За жизнь нужно бороться до последнего. До самой-самой маленькой, никому уже невидимой надежды. Бороться, пока теплится ее огонек.

Дорис поправилась! Она начала сама ходить. Веса так мало, что вес ее не ощущался вообще. Есть стала потихоньку. Чуть-чуть. Сама выбрала то, что ей нужно. И вот – снова превратилась в веселую, нахальную, резвую игруню.

Счастье!

Лечить и помогать надо всем, кому плохо. Хотя бы потому, что видеть, как немощный обретает силы, – это несказанное удовольствие. Мало с чем сравнимое.

3. «Подыхаю!..»

Вот – Дорис выздоровела. Потому что очень хотела. И они все очень хотели, чтоб она жила. Ей надо было жить. Иначе – как?

А теперь у нее еще один больной появится... Пусть уж. Ведь и правда – помогать-то надо. Иначе будем мы не люди, а обреченные на вымирание дикие звери, как говаривала бабушка.

В ту же ночь Марат своего несчастного провинциала и привез.

Светка глянула и ужаснулась. Даже руки похолодели, как всегда у нее бывало, если ужас надо сдерживать в себе и никому не выдать, насколько тебе страшно.

Парню было фигово. Откровенно, явно и однозначно. Нечасто увидишь лицо абсолютно серого цвета. По-настоящему, не ради красного словца. Серые щеки, серые губы. Совершенно никакой. Видно было, что каждый шагок дается ему с невероятным трудом. Он весь сосредоточился на своих передвижениях. Руками страдалец изо всех сил поддерживал живот. Светка сама так ходила после операции, ей все казалось, что швы разойдутся. Инстинкт самосохранения велел беспокоиться.

Вид у парня говорил сам за себя: действительно провинциальный, одетый в своего рода униформу. Спортивный костюм «адидас», кроссовки. Стрижка короткая, почти наголо, как у всех сейчас, нос курносый. Скуластый.

Он и говорить-то совсем не мог, даже «здравствуй» кое-как из последних сил прошеле-стел.

– Я бы этих врачей убила, – возмутилась Светка. – Они его чего – сразу с операционного стола выпихнули?

– Да брось ты, не паникуй, молодой, крепкий, живучий, выкарабкается. Ему бы просто полежать – отойдет, – гнул свое Марашка.

Уложили больного на родительскую кровать, на хрустящую крахмальную простыню. Он так и лег в своем «адидасе». Кроссовки с него снял Марат.

– Знобит, – только и смог парень серыми губами выговорить.

Укрыли его несколькими одеялами. Светка принесла аспирин с анальгином: температуру сбивать.

Несчастный с готовностью проглотил таблетки. Затянул глаза полупрозрачными синеватыми веками, как больная птица. Вот так же и бедная Дорис лежала, пока они еще не знали, чем ее лечить.

Таблетки на удивление быстро подействовали. Дыхание больного выровнялось. Уснул.

Марашка внес довольно объемную спортивную сумку гостя и огромный супермаркетовский пакет с соками для лечения больного.

– Ну, все, я пошел. Он дней через десять сам уйдет, как отлежится. Парень скромный, сама видишь. Хлопот никаких не доставит. Будет только спать и соки дуть, как младенец.

И ушел поспешно.

Даже имени своего гостя Светка не знала. Да и зачем ей его имя – появился на очень короткое время совсем случайный человек в ее жизни: поправится и исчезнет без следа.

Она улеглась спать в своей комнате, оставив дверь в спальню незнакомца слегка приоткрытой: мало ли что, вдруг температура опять подскочит, или попить ему среди ночи захочется.

Проснулась Светка от стонов, доносившихся из недр ее мирного жилища. Ее постоялец что-то оживленно говорил, скрежетал зубами по-страшному и в промежутках, как бы на выдохе, стонал.

– Не того кончил, на фиг ты, не того кончил! – разобрала Светка.

Ее братцу тоже все время снились боевики, и она даже улыбнулась. Надо же! Ему за жизнь свою бороться надо, а он в бреду «не тех кончает». Мальчишки – всегда мальчишки. И еще междометию неслыханному, этому его «на фиг ты», удивилась. Никогда до того не слышала, хотя много чего знала заповедного из разных слоев лексики своего любимого родного «великого и могучего» языка.

Она вскочила и босиком, в пижаме побежала на стоны: надо было как-то помогать больному человеку. Протерла пергаментное лицо салфеткой, смоченной в уксусе, стала расстегивать молнию на груди, чтобы обтереть всего: так всегда делала ей мама при высокой температуре. Парень резко вздрогнул, очнулся, глянул мутными глазами, вцепился в молнию руками – не хотел, чтобы расстегивала.

– Да не стесняйся ты, я же живот не буду, только сверху, чтобы температуру сбить, – успокоила его, как брата бы успокаивала, девушка.

И он расслабил руки, дал сделать все, что нужно.

– Мне бы таблеток каких, лекарств, – выговорил незнакомец с ярко немосковскими интонациями.

У Светки сердце сжалось от жалости. «Москва слезам не верит». Попал бедный паренек в страшную историю.

То, что плохо ему всерьез и кончится все может очень и очень плачевно, осозналось сейчас еще яснее, чем при первых минутах его пребывания под крышей ее дома.

– Давай «Скорую» вызову, – встревоженно предложила она, – они хоть скажут, чего тебе давать, укол сделают.

– Нет, – на стоне выговорил бедняга, – ты дай... лекарства, вначале которые дала.

Но Светка уже отчетливо понимала, что дело тут серьезное и аспирином не поможешь.

Больной снова начал метаться и скрежетать зубами. Иногда Светка разбирала отдельные слова:

– Подыхаю, на фиг ты, подыха-а-аю я, мамка, – невнятно и страшно выл он.

«Надо же: не «умираю», а «подыхаю»! Как они там в своей провинции о собственной жизни!» – поразила ее она. И пожалела его «мамку», которая и не знает, каково ее сыночку сейчас.

– Сделаем так, – решила она, – сейчас я тебе последний раз даю аспирин с анальгином, если не поможет, будешь пить антибиотики.

Она говорила уверенно и решительно, как бабушка во времена Светкиных постоянных гнойных ангин. Гнойная ангина, гнойный аппендицит – один черт, инфекция. У нее в домашней аптечке лежала упаковка антибиотиков «широкого спектра действия» – глядишь, и тут помогут. Медицински неплохо образованная благодаря постоянному общению с врачами и большому интересу к тому, как и чем можно облегчить страдания больных людей, она даже знала, что нужно выяснить у больного, нет ли у него какой аллергии на лекарства.

Но тот, похоже, слово «аллергия» слышал в первый раз, а может, просто уже плохо понимал из-за жара.

– Ну и пусть аллергия, – отчаянно постановила испуганная врачевательница, – а то еще, правда, умрет тут у меня...

Наверное, от страха Светке вспомнилось, что с антибиотиками ей все время давали маленькие таблеточки от этой самой аллергии. И даже их название всплыло в памяти.

И еще вспомнился старый учебник в бабушкиной комнате. Учебник, по которому еще бабушкин папа учился, изданный аж в 1934 году. В.Ф. Войно-Ясенецкий. «Очерки гнойной хирургии». Книга лежала на видном месте, на письменном столе, запылилась, бедная. Света судорожно полистала желтые странички, нашла 22-ю главу «Аппендицит и перитонит». Принялась читать, от ужаса практически ничего не понимая. Ну и что она поймет, даже без всякого

ужаса, если не учили ее медицине? Она прижала книгу к груди и решила просто обратиться к автору, пусть услышит ее со своей небесной высоты.

Он мог услышать. Должен был. Он же всегда приходил на помощь, пока жил среди людей. Бабушка с почтением и восторгом говорила о Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком, к которому приезжала в Крым в конце пятидесятых годов за благословением на хирургическую деятельность.

Дело в том, что в те безбожные страшные годы оставались люди, существование которых само по себе иначе как чудом не назовешь. Советский профессор медицины был к тому же православным епископом – разве это не чудо? В его операционной на стене висела икона, он молился перед операцией, испрашивая Божьей помощи. Он прошел через страшные мытарства, ссылки за Полярный круг, унижения, издевательства. Но епископ Лука остался епископом и врачом. После войны неожиданно получил Сталинскую премию за эту самую «Гнойную хирургию», благодаря которой удалось спасти тысячи тяжело раненных воинов. Не согнулся, не отступил.

Света хорошо помнила поразительный рассказ бабушки о том, как дискутировал епископ Лука с возглавлявшим ташкентскую ЧК латышом Петерсом во время публичного суда над его коллегой-профессором, обвиненным во «вредительстве».

Петерс, очень дурно говоривший по-русски, с издевкой вопрошал, как это «поп и профессор Ясенецкий-Войно» ночью молится, а днем людей режет.

– Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете их вы, гражданин общественный обвинитель? – отвечал врач.

Зал аплодировал. И тогда Петерс задал свой главный вопрос:

– Как это вы верите в Бога? Разве вы его видели, своего Бога?

– Бога я действительно не видел, – отвечал епископ Лука. – Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил.

С этих слов профессора Войно-Ясенецкого, часто повторяемых бабушкой, началась Светкина вера. Она знала: ум, совесть, как и Бог, невидимы. Но только они и имеют силу. Остальное – прах, дым. И этого убеждения у нее отнять не смог бы никто.

– Прошу Вас, владыко Лука, – произнесла она, прижимая к груди учебник, – помогите исцелиться моему больному.

Она верила, что епископ Лука поможет, хотя и не знала, да и откуда бы ей тогда знать, что до причисления его к лику святых остается всего год¹.

¹ Святитель Лука был причислен к лику святых в 2000 году.

4. «Я помогу тебе выжить»

К утру стало ясно, что надо немедленно переходить к решительным действиям: жар не спадал, и даже бредить у мальчишки не было сил, он только шевелил губами беззвучно, как рыба на суше.

Светка решительно впихнула в него антибиотик с антиаллергеном. Она была уверена, что это сильная штука и поможет обязательно. Ей помогало безотказно.

Но тут она вспомнила еще одну вещь: когда ей резали аппендицит, у них в палате у девочки нагноился шов, и та тоже горела жутко, и ей этот шов лечили, мазали чем-то, промывали. Она почувствовала радость и уверенность: нашла причину.

– Давай я твой шов посмотрю, – попросила она, – может, у тебя нагноение.

Можно было и не просить: пациент лежал безвольно и был безразличен к происходящему. От его живота шел тухлый запах. Светка заставила себя отогнуть резинку спортивных штанов и ужаснулась: какое там «шов». Весь живот был изрезан вдоль и поперек. Самая страшная воспаленная борозда шла по диагонали, через пупок вниз.

Света испуганно прикрыла раны и выскочила из комнаты. Надо было перевести дух. Все стало ясно: «жестокое московские врачи» были выдумкой для такой дуры, как она. Ее «невинного провинциала» явно убивали. Кто-то помог ему выжить, наспех зашил и сбаврил. Нормальный врач должен был сообщить в милицию.

И вот друг Марат-Марашка сплавил его в тихую благополучную квартиру: здесь никто не найдет. Ну и мразь! Наверное, и деньги за это слупил приличные!

Светка вспомнила, как Маратик хвастался парижским приключением: за 500 франков засвидетельствовал личность русской проститутки в российском посольстве. У той, типа, паспорт сперли. И чтоб въехать в родную страну, нужно было, чтобы свидетель подтвердил: знаю, мол, я эту хорошую девушку уже много лет, помогите обокраденной бедняжке.

– Приходит такая сученция, – ржал Маратик, – выкладывает мне 500 франков. Кому от этого плохо?

Светка тогда тоже смеялась: хорошо умел рассказывать «лжесвидетель», в красках.

– Потом и про меня кому-нибудь будет так же: «Дали мне штуку баксов, нашел я одну дуру. Кому от этого плохо?»

Но злобствовать по поводу Мараши не было времени. Чего уж теперь. Этот-то, «подыхающий», не виноват, его повели, он и пошел. Может, и правда, напали на деревенского дурачка, порезали, выпил лишнего, поругался с кем. А Марат, скорее всего, и сам не знал, и денег не брал: ему сказали «аппендицит», он и поверил. Поэтому и к ней привел.

Так думать было легче. Злость и обида мешали собраться, сосредоточиться, а ей требовалось сейчас много сил. Ясно было одно: к врачам обратиться она не может – те сразу сообщат в милицию, а кто знает, в чем замешан ее гость. Следовательно, замешанной окажется и она, кто поверит ее уверениям, что знать не знала, ведать не ведала? И тогда она не улетит...

Нет, нельзя пугаться. Надо лечить его. Он молодой, крепкий, жить хочет, выкарабкается.

Стараясь не дышать от ужаса и отвращения, Светка обильно полила жуткие раны зеленой.

– Теперь нужна та, вонючая, мазь. – Она усиленно пыталась вспомнить название. Не получилось.

Светка плюнула и пошла в аптеку. «Найди то, не знаю, что»... Так и сказала:

– У меня палец на ноге нагноился, мне нужна мазь, которая пахнет противно.

– Мазь Вишневского, – засмеялась аптекарша, – правильно, самое лучшее средство.

Светка пробила в кассе за пять банок. Фармацевты заудивлялись: для пальца двух-трех мазков хватит.

– На будущее, – пришлось пояснить туманно.

Из аптеки она пошла прямо в церковь: звонили колокола, как будто помощь обещали. Купила две самые большие свечки, одну поставила у распятия. Еще в школьные годы, когда у них было жутко популярно высчитывать по датам рождения судьбу, одна их классная проприцательница насчитала, что живет Светкина душа десятую жизнь, поэтому очень мудрая, и что у нее нет ангела-хранителя, а присматривает за ней сам Господь Бог. Чушь, конечно. Но иногда Светка ощущала, что кто-то свыше ею руководит, помогает, оберегает. Она была уверена, что Бог ее слышит.

– Боженька, миленький, умоляю Тебя, помоги, пожалуйста (как же за него просить, безымянного?), помоги, пожалуйста, Ты знаешь, кому. Не дай ему умереть. Он же еще молодой. Ему надо пожить. Ему очень плохо. Утоли его страдания, умоляю Тебя.

С другой свечой пошла к Богородице:

– Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, заступись, пожалуйста, за раба Божия, Ты знаешь, кого. Помоги мне его вылечить. Пожалей его, как Сына Своего.

Молитвы принесли бодрость и надежду.

Дома ее больной посмотрел осмысленным взглядом. Наверное, антибиотик начал помогать.

– Сейчас раны лечить будем. Снимай штаны, – приказала Света. – Я все уже видела, не стесняйся.

Она обмотала ножницы ватой и принялась смазывать нагноение отвратительно пахнущей массой.

– Воняет, – покорным голосом произнес через некоторое время раненый.

– Потерпишь.

– Угу, – согласился он и слабо спросил: – Слушай, я ночью кричал что-нибудь?

– Мамку звал. И выл. Еще говорил, что умираешь. А может, давай твою маму сюда вызовем, а? Давай ей позвоним или телеграмму пошлем...

– На тот свет? – зло спросил гость. – Да я и без всякой телеграммы туда скоро.

– Прости, я же не знала. Я думала, если зовешь... И никого у тебя больше нет?

– И никого у меня больше нет, – передразнил он. – Ладно, не бойсь, оклемаюсь я. Не подохну тут у тебя. Устала за мной ходить?

Светка вдруг подумала, что он старше, чем сначала ей показалось, и гораздо жестче. Чуть-чуть ему полегчало, и глаза стали колючими, и ей, своей спасительнице, готов схамить непонятно за что, по привычке, наверное.

– Да, я устала, я не спала всю ночь, но это не важно. Мне просто было очень страшно за тебя.

Она поднялась, чтобы выйти.

– Как тебя звать? – донесся голос с кровати.

– Знаешь, нам с тобой это ни к чему. Давай так: я тебя не знаю, ты меня не знаешь. Ты отлежаться просился? Отлеживайся. Полегчает – гуд-бай.

И закрыла за собой дверь.

Как-то ей стало неудобно от своего гостя. Жутковато почему-то. Очень хотелось спать, и было страшно ложиться: а вдруг он войдет в комнату? Она так и видела: стоит у двери, молчит, смотрит своими злыми цепкими глазами. Просто – стоит и смотрит. А по спине ее ползет холодок.

Не раздеваясь, прикорнула на диване в гостиной. И проспала несколько часов.

Вонь от мази расплзлась по всей квартире. Больной ее снова стонал и бормотал что-то несусветное, пересказывал очередной боевик.

Эти однообразно-страшные слова из боевика почему-то опять навевали холодную жуть. А чего ей, собственно, бояться? Брать в квартире точно нечего – не книги же, на самом деле!

У нее самой есть только ее жизнь, но не будет ведь он ее, свою спасительницу, убивать, в конце концов. Ни загранпаспортом, ни билетом воспользоваться ее периферийник не сможет при всем желании – чего ж тогда?

И все-таки она, как сомнамбула, повинувшись безотчетному настойчивому велению, взяла паспорт с вложенным в него билетом и спрятала в свой тайник, о котором не знали ни мама, ни бабушка. В нем Светка в детстве хранила записные книжечки со своими важными тайнами. В принципе, те тайны можно было и не прятать: родные никогда не рылись в ее личных вещах, но иметь потайное место, о котором никто не догадывается, – это было круто. Светка под влиянием Эдгара По и Конан Дойля долго придумывала, как можно спрятать вещь, чтобы вроде бы и на виду, а вот никто не догадается. И нашла. А через столько лет вон как пригодилось! Хотя при чем тут «пригодилось»? Лежит в ее доме тяжелобольной незнакомый человек в бреду, голову повернуть не может, не то что встать, а она от него документы прячет. Совсем с ума сошла от бессонной ночи!

В общем, как бы там ни было, а через несколько дней изнемогая от усталости, тревоги за жизнь больного и своих непонятных страхов, вызванных, скорее всего, одиночеством, Света поняла, что опасность миновала и жизнь человеческая спасена благодаря ее усилиям. Температура упала, раны перестали гноиться, больной повеселел, спал хорошо, молча.

Она поила его соками и решила, что надо сварить крепкий бульон: для подкрепления сил – он же все эти дни ничего не ел. Они почти не разговаривали, только: «Возьми градусник, прими лекарство, на, попей» и тому подобные фразы.

5. Все получится!

Она вошла с чашкой душистого бульона, и он так по-простому, по-доброму улыбнулся, что девушка со жгучим стыдом вспомнила, как прятала от него, умирающего, паспорт (вот она, сучья московская жизнь, с постоянным чувством опасности, с этим диким звериным ощущением, что на тебя охотятся).

Он ел сам, и ложку держал смешно, как маленький, не пальцами, а всем кулаком, так в фильмах про деревенскую жизнь или про беспризорников показывают. Рука из рукава торчала бледная, чуть ли не белая. Глядя, как он сосредоточенно ел, насупив брови, Светка умилялась «делу рук своих».

– Все, доел. Спасибо. – Он протянул пустую чашку, откинулся на подушку, вздохнул довольно. – Ты хорошая. Я на тебе женюсь, как дела свои налажу.

И смотрел на нее с улыбкой, даже не спрашивая, что она скажет на это. Сказал – женюсь. И точка. Назначайте день свадьбы.

– Не получится, – мотнула девушка головой. И опять удивилась самой себе: ведь вполне можно сказать, что она уже замужем, что улетает к мужу навсегда и что вряд ли они вообще когда-нибудь еще увидятся. Но что-то внутри запрещало сообщать о себе хоть какую-то маломальски значимую информацию. И опять это не поддавалось доводам рассудка: он же в любом случае знает ее адрес, знает (наверное) Марата, вполне может и имя выведать, и нынешнее ее «семейное положение» – она до сих пор ни из чего тайны не делала.

«Ладно, пусть выясняет, а сама я ничего не скажу», – так почему-то она решила.

– А чего не получится? Получится! – уверил ее «жених».

– Мы слишком разные, – попыталась отделаться шаблонной фразой Света.

– Да это-то я разобрался сразу. Только не это важно, на фиг ты. У тебя что, небось образование высшее?

Она кивнула.

– Так и у меня было б высшее. Моя мамка об этом знаешь как мечтала. Одна меня растила, в город поехала лимитчицей, в горячем цеху работала, все говорила: «Вот вырастешь, будет у нас квартира, в институт поступишь, станешь мне рассказывать, что профессора на лекциях объясняют». Она хотела, чтоб я врачом стал. Ты-то небось врач?

– Не угадал.

– Ладно, потом расскажешь.

– Слушай, мы же договорились: поправился – ушел.

– А так и будет, как договорились. Уйду. Надо будет уйти. Но вернусь обязательно. И насчет диплома не беспокойся: появится у меня диплом, чтобы тебе не стыдно было. Куплю. Ты только скажи, какой – инженерский или докторский? А может, дипломатический? С отличием, красный? Или обычный можно?

Светка засмеялась и, чтобы не продолжать разговор, пошла на кухню, посуду мыть.

6. Подруги

Среди всего неожиданно свалившегося на Свету ужаса и страха за жизнь совершенно чужого ей человека должен был быть какой-то просвет. Давно было договорено, что она встретится с Инкой и Аськой, чтобы составить сценарий настоящей русской свадьбы, о которой они на самом деле никакого представления сами не имели. Но все девушки были певуны, выдумщицы, к тому же у Инки имелась прабабушка, вызвавшаяся наговорить и напеть то, что сама помнила.

Подруги должны были прилететь к Свете и участвовать во всех положенных церемониях.

Светлана гордилась своими подругами. Обе уродились такими красавицами, что все ахнул! Вместе они – сила.

Инка ей как сестра. Нет, больше, чем сестра. Они с первого класса сидели за одной партой. Не было в Инке ни девчачьей вредности, ни зависти. Наверное, так много дано ей было от рождения, что и завидовать не приходилось никогда и никому. Светка, например, не представляла себе такого мужчину, который не влюбился бы в Инку. От нее глаз отвести невозможно. Она – земная и неземная. Потому что пока не говоришь с ней, видишь земную красавицу, а как заговоришь – услышишь душу. И уже не захочешь уйти насовсем. Обязательно вернешься. Они и в институте вместе учились. Много чего у них вместе. Инка, правда, замуж вышла в двадцать лет, за свою первую любовь. Муж-музыкант разъезжал по белу свету, Инка почти всегда летала с ним. Год назад они поселились в Париже, хотя что такое для музыканта «поселились». Летают туда-сюда. Две недели на одном месте – великое чудо. Но она ухитряется прилетать в Москву при первой же возможности. Скучает. Не может долго без своих и без родного города.

Аська – подруга институтская. Познакомились на вступительных экзаменах. Дрожала красна девица, как осиновый лист на ветру, перед проверкой знаний по специальности – английским. Стоит такая: с толстенной белой косой, голубыми глазищами... «Здравствуй, русское поле! Я твой тонкий колосок». Таких всамделишных белых березок и не осталось почти. Во всяком случае, Светке повстречалась только одна, Настасья Серафимовна Ростоккина. Асей придумали ее звать Света с Инной. Имя Ася очень ей подходило, приросло с первого раза.

Удивительно: все три поступили. И стали неразлучными.

Аська поначалу не во всем совпадала с подругами, это и понятно: Светка с Инкой являли собой некое единое целое, понимали друг друга без слов, умели подсказывать, не произнося ни слова, одними губами, просто как разведчики в приключенческом кино. Посмотришь и не поверишь. И еще. Если их сладкой парочке с детства преподносились дополнительные знания и создавались особые благоприятные условия для развития способностей и талантов, то Настасья плыла к своим целям против довольно бурного течения.

Отец у нее оказался полигамный, как сам не раз объяснял многочисленным дамам сердца дефективность своего поведения. Настина мать, через горькие слезы и болезненные разочарования разобравшаяся в особенностях характера некогда горячо любимого мужа, называла его Переходящее Отрядное Знамя. И правда: с рук на руки он переходил исправно, везде исправно плодясь и легко размножаясь. Настя в череде его детей была не первая и далеко не последняя. У вождевших его женщин процесс взаимоотношений с предметом их обожания протекал по четкому шаблону: головокружительная любовь, невозможно высокие отношения, безоглядное стремление соединить судьбу с наконец-то воплотившимся в реальность мужчиной их девичьих грез.

Следующая остановка: короткий период брака, зачатое в самозабвенной страсти дитя.

Далее: внезапно обнаружившаяся полигамность любимого. Желание понять и простить.

Настойчивость и самозабвенная любовь следующей по порядку участницы амурной цепочки.

Крушение слабого звена (причем слабым звеном всегда оказывалась законная на данный момент супруга).

Помогать всем своим чадам любвеобильный отец был попросту не в состоянии. Единственно, что он мог, это разводить руками и сокрушенно повторять:

– Танечка (Любочка, Катенька, Машенька, Ирочка... далее по списку женских имен), я же предупреждал!

Потом как-то все у всех его женщин устраивалось, вероятно, с его легкой в амурных делах руки. Выходили вполне удачно замуж во второй раз, дети помехой не были. Рождались новые дети. Все цвело, колосилось, зрело...

Такая же участь постигла и Асину маму. Встретила она хорошего правильного человека. Не такого красивого, как первый ее, полигамный супруг. Да и не надо ей уже было такого, Боже упаси. Вполне положительный человек, спокойный, по сторонам не глядящий. Свили новое гнездо. Родили Аське сестренку, Елену Прекрасную, как определили с первого взгляда влюбившиеся в малютку родители. Но Елене Прекрасной далеко было до Насти. Как до звезды. Настя от отца унаследовала способность ослеплять красотой, ничего для этого не предпринимая. На Ленку же никто не заглядывался. Кроме, конечно, любящих папы-мамы и старшей сестры. Для Аси Леночка была как куколка. Еще бы! Настеньке было десять лет, когда куколка на свет появилась. Самый возраст игры в дочки-матери.

Жили они бедновато. Асе хотелось гораздо большего. Она понимала силу своей красы, да и как не понять, когда доказательства этой силы предьявлялись ежеминутно. Но осознавала она и то, что любая красота – продукт скоропортящийся, особенно если его не хранить, не лелеять, не поддерживать, а расходовать бездумно и беспечно, как сделала в свое время ее красавица мама. Кто сейчас на нее оглянется? Сидит, копеечки свои дома выкраивает, чтоб дочек как-то одеть-обуть-накормить. А самой-то – тридцать семь лет! Детский возраст! Некоторые, вон, даже и не рожали, все принца себе ждут.

Ася знала, понимала, чувствовала, что все беды идут от любви. Потому и не собиралась она никого любить. Ее цель светила как прожектор мощного маяка: она планировала выучиться полезной специальности, попутно выйти замуж за очень и очень богатого и беззаветно влюбленного в нее человека, ни в коем случае не полигамного, что запросто можно проверить еще на начальных стадиях отношений, было бы желание.

Знали бы клонувшие на ее невероятную привлекательность существа мужского пола, что не на свидание они идут с изумительно, неповторимо красивой девчонкой, а приглашаются на кастинг женихов! И какой жесткий кастинг! После первого тура (милой встречи в ресторане, например) отсеивались многие. Если же претендент проходил первичное испытание, а именно: казался достаточно приятным и перспективным, ему предстояло познакомиться с подругами красавицы, Инкой и Светланой. Это была серьезная и объективная проверка на латентную полигамность. Девчонки-то обладали сногшибательной внешностью. Тот кавалер, что невольно позволял себе коситься в их сторону, зазывно улыбаться, а то и предлагать дальнейшие встречи всем вместе, окончательно и бесповоротно лишал себя какого бы то ни было шанса на дальнейшие отношения.

Спокойные, размеренные, целенаправленные поиски заняли около трех лет. В результате жених выкристаллизовался хоть куда. Не старый (хотя и старый теоретически не исключался), а вовсе даже молодой, всего на семь лет старше невесты. Чрезвычайно перспективный финансист. Он, как и Настя, происходил из семьи небогатой и прозябать намерений не имел. Все побуждения и чаяния дорогой (очень дорогой) будущей супруги были ему понятны и приняты безоговорочно. Он понял, принял и одобрил стремление невесты составить брачный контракт, о котором тогда только-только начинали заикаться в прогрессивной печати.

– Лучше все до свадьбы расписать, чтоб без недомолвок, – определила свою идейную позицию разумная дивная красавица.

Мужская психика – дело темное, но надо отметить, что от подобного прямого и четкого разговора любовь жениха к невесте почему-то резко усилилась. И даже стало расти глубокое уважение. Он в ней увидел серьезного и достойного партнера по совместному предпринятию, имя которому «Семья». Ему было приятно, что невеста так хорошо знает, чего, собственно, хочет, и умеет ясно, искренне и немногословно сформулировать свои желания. Привлекал его к тому же и высочайший уровень ее притязаний, в длинный список которых входили и яхты, и заводы, и газеты, и всевозможная недвижимость в лучших точках голубой планеты. Звезд с неба она не хотела. Зачем? На земле было много чего, что можно и нужно было хотеть.

Так и поладили. И стала их Аська женой олигарха, причем редкостно моногамного.

Все у всех, стало быть, определилось по высшему разряду. Каждая получила то, что ей было надо.

Вот сейчас Светке устроят праздник, все обалдеют.

Встретившись, девчонки немедленно уселись сочинять сценарий свадебных торжеств.

– Надо все по-настоящему, как положено, – решительно велела обстоятельная Ася. – Я вон принесла, смотрите: в Ленинку специально ходила.

Асина основательность в любом деле новостью для подруг не была.

– Значит, смотри, давай так. Мы тебя будем расчесывать и петь. Там полагалось косу девичью расплести, ленты из косы подругам отдать. Чтоб на счастье. Ну, мы-то замужние, нам уже не надо...

– Но я все равно отдам, – забеспокоилась Светка. – А кому мне отдать? Раз так положено...

– Ленке моей отдашь, чтоб ей тоже жениха хорошего, – пояснила Ася. – Я же Леночку с собой беру, пусть посмотрит.

– Ленке твоей тринадцать всего, какого жениха ей, – засмеялась Светка.

– Почти четырнадцать! Ничего. Как раз время подготовиться, пусть пример берет, нацеливается на высокую планку, – обстоятельно резюмировала Аська. – Но ты слушай, слушай! Мы будем в сарафанах. У невесты свадебный сарафан должен быть широченный, чтоб подолом как взмахнула, так и взлетела. И юбки нижние такие же. Красота такая невозможная. Я все срисовала, смотрите. И в ателье уже заказала, нам их жемчугом расшивают. Ты в красном. Свадебный сарафан красным должен быть. Сама же пела: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Не очень радовались замуж тогда выходить.

– Ага, – подтвердила Инка, – плакали-рыдали. И подружки тоже, но невеста особенно. Ты должна будешь очень красиво и достоверно рыдать.

– Вот текст, – раскрыла Аська толстую тетрадь с выписками из Ленинской библиотеки.

Светка почитала. Красиво. Вполне. Только порепетировать надо. Чтоб с рыданиями почестному вышло. И на три голоса.

– А я свое написала. В тему, но свое. Чтоб уникально получилось. Не как у всех. Вот, – предложила Инка.

Она встала и запела, держа листочек с текстом перед глазами:

Ох же, милый ты мой батюшка!
Ох, голубка моя матушка!
Как же мне да вашей дочушке
Во чужи люди идти-горевать?
Платья девичьи не сносились,
Ленты алые не порвались,
А сама я не нагулялася,
С умом-разумом да не собралася.

Получалось мощно. Слезы так и просились наружу.

– Дай-ка я! – Светка взяла бумажку со словами и запела-заголосила, так что сама испугалась, сердце заухало.

– Что ж они так убивались-то, ведь не казнить же их вели, – задумчиво вымолвила Аська.

– А считай – казнить. Мне прабаща (так Инка называла прабабушку) говорила, что увозили в другую деревню, к мужниной родне, и работай давай. Да еще свекровке подчиняйся, слушайся во всем. Все – не попляшешь, не попоешь, не нарядишься особо-то. Рожай да мужа ублажай.

– Хорошо, что мы в другое время живем, – порадовалась Светка.

– А замуж все равно красиво выдавали, – вздохнула Аська. – И мы красиво сделаем, ахнут они все там у тебя.

– Там знаешь еще что полагалось? – продолжила Инка. – Вот выходят молодые после венчания к столу, а им на лавку шубу кидают, чтоб сидели, как князь с княгиней.

– Вот! Я и говорю: красота! – подтвердила Аська. – И еще когда после венчания выходили, тоже под ноги шубу кидали. И смотрели, кто первый на нее ступит, жених или невеста. Кто первый станет, тот и будет главным в семье. А может, купить там тебе шубейку и кинуть ее на твой стул? Или под ноги вам? Пусть они знают... Как мы когда-то жили...

– Жили-поживали, добра наживали, – засмеялась Светка. – Ась, ну какую еще шубейку? Купечество какое-то! Достаточно того, что мы, такие красивые, петь им будем.

– И то верно, – согласилась Аська и перешла к делу. – Мы тебе когда косу одну расплетем, ленточки ты отдашь, потом будем тебя расчесывать гребнями с камнями...

– Да-да-да! С бриллиантовыми камнями, – иронически подтвердила Светка, хорошо зная Ашкин степной размах. – Чтоб все там поослепли от их блеска!

– Да подожди ты, – не сдавалась Аська. – Ты, значит, поешь, мы вторим, расчесываем, расчесываем... Потом две косы заплетаем. И уже одну – никогда! Все! Только две косы будешь заплетать. И уложим их под такой специальный убор, чтоб никто, кроме мужа, никогда уж и не увидел!

Аська размечталась. Доисторический славянский огонь горел в ее сапфировых очках. Память предков просыпалась и бурлила.

Светка аж забоялась.

– Ну, давайте-давайте! Гвоздиками мне головной убор к черепу прибейте, чтоб никогда и никто не снял. Золотыми гвоздиками с рубиновыми шляпками. А? – предложила она.

Аська деловито очнулась от своих роскошных видений.

– Ладно, без гвоздиков обойдемся. Но все будет – наповал. Я уже зажглась! – предупредила Ася.

Они еще немного попели, приладились. Светка взяла себе копии текстов, чтобы успеть перевести и раздать гостям пояснения на их родном языке, а то ведь не поймут, о чем речь идет вообще-то.

– Ну, до скорого!

Девчонки расцеловались.

Ну, и праздник же будет!

Возвращаясь домой, Светка снова зашла в храм и поставила свечку о здравии своего больного гостя. Пусть и у него все будет хорошо и празднично. И главное: пусть будет жив и здоров.

7. Прощальный разговор

До отлета оставалось совсем немного времени. Ее постоялец был все еще слаб, но вполне жизнеспособен. Ходил теперь совсем прямо, за живот не держась. Видно было, что внутренне он уже собрался с силами и готов покинуть гостеприимное пристанище. Он тщательно вымылся, переоделся, причесался. Выглядел свежим, отдохнувшим, бодрым. Пришел на кухню, Светка кашу на ужин варила, манную. Боялась большого чем-то тяжелым кормить, поэтому готовила, как для годовалого младенца: кашки, супчики.

– Ну, чего, ухожу я ближе к ночи от тебя, – сообщил деловито. – Давай посидим напоследок.

– Давай посидим. И я еще тебе сказать хотела, как лучше всего питаться: ты пока только каши ешь, овощи вареные, картошку хотя бы. Фрукты, если можешь. Я тут тебе мультивитамины купила. Пей раз в день после еды. Это после антибиотиков надо.

– Видишь, какая ты! А говоришь – не врач. Не темни уж, ладно. Ты точь-в-точь, как мамка моя. Говоришь мало и все по делу. Ты правильная.

Света, боясь опять услышать предложение руки и сердца, повернула на другое:

– А что с твоей мамой случилось? Извини, что спрашиваю.

– Умерла она. Я ж говорил: в горячем цеху работала. Десять лет. Квартиру получили, зажили, как люди, обставились. Ну, тут она и заболела. Рак. И все.

– А ты что же?

– А я чего? Пришли добрые люди из какого-то профкома-месткома. Пойдем, говорят, мальчик, с нами (мне четырнадцать лет исполнилось). Поживешь в детдоме, сыт – одет – обут. Кончишь школу – вернешься в свою квартиру. Будешь самостоятельный человек со своей жилплощадью. Это еще в те, прежние времена было... Вернулся... А там уже железная дверь, жилыцы другие... На звонок не открыли. Так ничего от мамки и не осталось. Никакой памяти. Знала б она, на что жизнь положила! Даже фоток нормальных нет у меня. Вот только, глянь.

Он достал из бумажника черно-белую фотографию для внутреннего паспорта. Фото находилось в твердой пластиковой обложечке и выглядело, как новое. На Свету пристально исподлобья смотрело скуластое мужское лицо с поджатыми губами. Волосы гладко зачесаны назад. Не разберешь – пучок, что ли, у нее был? Только по сережкам в ушах и догадаешься, что женщина. Хотя и это сейчас не доказательство...

– С тобой – одно лицо, – отметила девушка, взглядевшись в колючий взгляд умершей от непосильных трудов чужой матери.

– Все говорят. Красивая была. Коса до пояса. Песни по воскресеньям пела. Гладит белье на кухне и поет. Никакого тебе радио не надо. А как заболела, коса вся вылезла. Химией лечили. Знаешь, что такое? Тоже – казнь. Сил не остается никаких, тошнит-рвет. Жизнь не мила. И волосы вот... выпали все. Говорили – отрастут. Обещали. У других, я видел, отрасли, правда. У мамки не успели отрасли – померла. Так вот.

– А ты как потом? – И кто ее за язык тянул расспрашивать!

– А я нормально. Помогли, не пропал. В армию пошел, вернулся. Потом вот киллером стал. Это надежные деньги. Мамка говорила, что врачи, мол, везде врачи – и на воле, и в тюрьме. Всегда нужны, значит. Ну и киллер – везде киллер. Всегда пригодится, пока люди есть.

Светка захохотала. А ничего, провинциал провинциалом, а юмор черный, столичный, клево пошутил.

– Ну, и что ты ржешь, мой конь ретивый? – миролюбиво поинтересовался «киллер». – Я ж тебе всю правду сейчас и сказал. Чтобы ты знала, за кого замуж пойдешь. А чего застеснялась-то? Вот скажи, у тебя из семьи воевал кто?

Света, как загипнотизированная, кивнула. Дед у нее воевал, всю войну прошел от Москвы до Берлина. Именно прошел. Пехота – королева полей.

– Ну вот. – Больной вполне удовлетворился скупым кивком. – А что думаешь, твой, кто воевал, он что на войне делал? Ромашки на лугах собирал? Венки плел и хороводы водил? Убивал, как миленький! И еще награды, на фиг ты, получал за это, медали и ордена. Больше убил – круче наградили! Это тебе как? С убийцей-то в родстве состоять?

Ужас состоял в том, что Светка не раз об этом сама думала. Что вот, мол, деда своего она, пожалуй, любит чуть ли не сильнее всех своих родных. Ну, не сильнее, но очень-очень крепко. Любит и уважает. А он убивал. И, между прочим, когда они на эту тему говорили (она сама спросила), он сказал, что тогда не жалел: иначе нельзя, иначе тебя самого положат, а сейчас жалеет. Еще дед сказал, что это судьба. И что он защищал Отечество и будущую жизнь народа. И Светка знала, что это не пустые слова. Если б дед иначе думал, он бы остался побежденным. И если бы все его фронтовые товарищи слабину давали, их легко бы одолели. Верой в правое дело стояли. Это она очень хорошо понимала. И убийство на войне – это другое.

– Скажешь, на войне убивать – это другое, – пациент ее словно мысли умел читать. – А откуда ты знаешь, кого сейчас жизни лишил, на войне-то? Может, у этого человека семья, дети его ждут, жена. Ведь не они его воевать послали... А я, между прочим, хорошо знаю, в кого целюсь. Ни одного бедняка мне, представь, не заказали. Странно, да? Кому нужны бедняки, убивать их? Сами передохнут... Заказывают шакалы таких же точно шакалов, которые друг у друга кусок трупа вырвать стараются. А труп знаешь чей терзают? Вроде умная, да? Ну, догадайся. Родной страны труп. Прикокошили ее – не я, заметь! И не мамка моя. И не ты. А вот эти самые шакалы. И теперь догрызают. Думаешь, я пожалею? Я в армии в горячих точках был. Нас кто жалел? Там, знаешь, как ребята умирали?

– Как? – невольно вырвалось у Светки. Она и не собиралась спрашивать, но получилось само собой, как в очень страшном сне, который не кончается никак.

– Ка-ак, – протянул гость. – Кверху каком! А вот оставят тебя без жратвы, без боеприпасов – воюй. И воюешь. Вызываешь: пришлите подмогу, еле держимся. Землю грызешь, когда на глазах твоих друг лучший кончается. И еще старается не стонать, чтоб не выдать местоположение. И ты орать не можешь. Землю жрешь, говорю... И только думаешь, как бы вокруг исхитриться побольше уложить. Чтоб выжить и пойти начальство сраное укокошить, а последнюю пулю себе. Выживаешь... И рукой потом машешь: ладно, пусть живут, не люди предательские. Достанет их судьба. Их или выроdkов их. Обязательно достанет.

Рассказчик перевел дух.

– Я тебе сейчас смешное расскажу. Случай из практики. Не бойсь, не страшно. Про шакалов этих самых. Кстати, не дергайся, я в этой истории никого на тот свет не отправил. Чист, как неразбавленный спирт. Вот смотри. Одного убрать взялся. Клиент вышел на меня солидный, много чего обещал. Телефон мне всучили специально сотовый, чтоб только исключительно с ним на связи. Задаток ничего себе. Ну, я обследил, разобрался, в режим дня будущего потерпевшего вник. Вроде все путем. Он, заказанный, с женой живет. Жена не работает, выходит только в магазин. А этот домой поздно возвращается, нерегулярно, не в одно и то же время. Но мне что? Поздно – это хорошо. Сажу в машину, жду. Машина у меня – никакая, «копейка» неприметная. Сам я неприметный. Весь вопрос – время выждать.

А он как раз взял и пропал! Не пришел домой ночевать, на фиг ты. Ну что ты будешь делать? Сажу, жду в засаде. Утром отъехал, умылся, поспал, все такое... Опять подъезжаю, жду. Наконец жена выходит – мрачнее тучи. Идет в магаз, возвращается с батоном хлеба в сетке. И сетка с хлебом по земле волочится. В невменозе тетка явном. Ну, мне-то, опять же, что? Я жду сажу. Вдруг, ты представь, выбегает из подъезда жена, как на пожар. Сумка черная через плечо, как в дорогу собралась. Выскочила и смотрит явно, как бы машину словить. Но смех в том, что у нее подъезд-то во дворе, а не на улице, какую-такую машину остановишь? Ну,

у нее явно соображалка отключена. Вот она стоит на тротуаре и машет рукой, типа, машинам. А где их взять? До нее через какое-то время дошло, что происходит что-то не то. Не ловится рыбка. И вот она по сторонам глазами шарит. И видит меня. А я чего? Сажу себе, жду, типа, подругу. Эта бежит со всех ног: «Умоляю! Довезите! Хорошо заплачу!»

А я засиделся. К тому же разобраться надо: где ее благоверный сам. «Поехали», – говорю. А ехать – за город. И она начинает со мной говорить. Типа, видит, какой я положительный, хороший человек, пусть, мол, я посоветую, как ей жить. Фига се, да? Говорит, муж завел шлюху, не скрывается уже. А она всю жизнь на него положила. Сын родился больным, так она вылечила, выучила, в Лондон отправила учиться. И вместо благодарности этот ее супруг завел шлюхенцию. И как это выдержать, если уму это все непостижимо? Что я могу ей сказать? Говорю, успокойтесь, мол. Ниче, мол. Образуется. А она меня благодарит, что я такой добрый и сочувственный человек. Приехали. Дачи кругом, заборы. Она предлагает: «Мне только на минуточку сюда зайти надо, глянуть, и все. Может, подождете?» Ну, я согласился. Все равно делать не фига. Надо, думаю, теперь ту его бабу искать. Жена, кстати, нормальная тетка. Выходя, заплатила мне, причем с учетом обратной дороги. Даже больше, чем договаривались. Видно, что простодыра, он ее всю жизнь небось обманывал. Короче, забор там сетка-рабица, вижу, идет она в дом, из дома слышатся характерные звуки, выскакивает она, без сумки своей, лицо перекошено – не узнать. «Что я наделала!» – вопит. Я высунулся в окно, зову: «Поехали», а она только рукой махнула и к лесу подрапала со скоростью зайца.

Ну, че делать? Иду в дом. Хотя уже догадываюсь, что к чему. Прохожу залу с камином, а в спальне – два трупа: мой, заказанный, и баба его, та, что шлюха называется. Ничего себе, довел жену до чего! Сумка ее черная валяется, пестик рядом. А там еще в углу, у двери такая солидная сумеевна стоит. Я ее почему-то и взял. Просто, не думая, взял и понес. Потом, решил, гляну, зачем она мне сгодится. Что интересно: сразила их жена тремя выстрелами. Ему – два, бабе – один. Снайпер!

Ну вот. Видишь? Судьба ему была так и так от пули на тот свет попасть. Причем из-за своей же подлости. Всех, кого мог, достал.

Дальше так. Я быстро в машину и – ходу. Свое оружие, которое для этого дела имелось, в реку по пути забросил. В городе все спокойно. Иду к себе с сумкой. Только вошел в квартиру, заказчик звонит по своему заветному телефону. Ну что, говорит, когда? «Все готово», – отвечаю. Он прям не ожидал. Потом велит немедленно пойти и телефон этот самый в реку или в какой другой ближайший водоем скинуть. Ага, думаю. Напал на простого. Я тебе телефон в реку, а меня потом шлепают для верности и из экономии, сумму-то пообещали удивительную, но я сразу смекнул, чем дело может кончиться.

Нет, говорю, давайте рассчитаемся, телефон я верну при расчете. Он разъярился. «Перезвоню», – сказал и отключился. А я в сумку полез глянуть. А там такое! Ну все, понял, надо ноги в руки и бегом. Жизнь по-любому дороже. Дух только решил перевести малек. Душ принял. Кефирчику попил. Вздремнул. Проснулся, включил телик, а там новости: жену эту бедную показывают, плачет-рыдает, всю правду говорит. Я-то знаю, что всю правду. Что он изменял, что знала она, где у него пистолет лежит, и поехала на дачу проверить свои подозрения. А когда их в постели увидела, не выдержала. Но самое интересное, что потом выступает, не поверишь, заказчик нашего банкета! И рычит на всю страну, что это самооговор, что она не могла, что ее заставили, надо, мол, найти настоящего заказчика и исполнителя! Документы, мол, пропали важные. Не жена же их съела. Ну не шакал? Ага? А потом что было, знаешь? Перезванивать-то он больше не стал. Да я так и понял, что не станет. Нанял уроды меня прикончить, да дешевого, видно, нанял. Неумелого. Спешил, видать. Ну, этот на меня с ножом, полоснул не хило, сама видела. А я внутренне готов был к такому. За его же кулак ухватился и его же ножом... Вывел противника из строя... Потом Маратик помог. Армейский мой братан.

– Вы с ним вместе служили? – поразилась Света. Уж больно образ рубахи-парня Марашки не совпадал со службой в горячих точках.

– Фельдшером он у нас был. Вытаскивал, кого мог, с того света. И воевал наравне. Вот, меня зашил. Ну а потом ты спасла. Я – должник твой. И рассказал тебе, чтоб глаза твои на жизнь открылись. И больше на эту тему я не буду. Сейчас мне исчезнуть надо. Но я точно тебя найду. Ты про меня все знаешь. Я тебе верю. А за мной тебе будет хорошо. Увидишь. Ни одного друга еще в жизни не подвел. Я зря не говорю.

Ее больной взял в кулак ложку и принялся обстоятельно есть полуостывшую кашу.

Так вот она кого у Бога вымолила! Убийцу. Теперь она верила. Тот страх безотчетный, которого стыдилась, не был напрасным.

И гость вроде даже гордится своим ремеслом. Бросать его, во всяком случае, не собирается. Что же это получается? Спасая его, Светка других людей – невинных (а если даже и «винных», то что?) – на смерть обрекала? Она застыла, стараясь не показать испуга. Пусть уходит. Он ведь и уйдет. Исчезнет из ее жизни. Осталось совсем чуть-чуть потерпеть, пару часов.

– А имени тебе своего не говорю, потому что не важно это. Другое будет имя. Вернусь, тогда и познакомимся.

– Вот и замечательно, договорились, – согласилась она, изо всех сил стараясь не показать начавшуюся внутреннюю дрожь.

Он быстро собрался – да чего собирать-то было! Адиасовский костюм с собой не взял, попросил выбросить, уж больно мазью провонял. Света протянула ему пакет:

– Выброси сам по дороге.

– Не, мне светиться лишний раз нельзя. Что я с этим пакетом... Мне надо по-тихому, незаметно. И сумка там осталась из-под моего барахла. Ты ее тоже на помойку снеси. Ну, до встречи! Найду, не сомневайся. Жди.

Она заперла за ним двери на все замки. Собрала испачканные зеленкой и всякой дрянью некогда сиявшие белизной крахмальные простыни и тоже засунула в пакет – выбросить. И тут только заметила на ночном столике у кровати зеленые долларовые бумажки. Сначала глазам своим не поверила. Отвернулась, глянула снова – лежат. Взяла, пересчитала. Пятьдесят стодолларовиков. Как она тогда подумала про Марашку, что он за тысячу зеленых! А он, оказывается, по дружбе фронтовой. Хороша пророчица! Правда, киллер ее спасательные работы оценил, причем гораздо выше, чем она предполагала. Уважил. А может, на жизнь ей, своей невесте, оставил? Пока не вернется. Сейчас, после дефолта, это громадные деньжищи. Что же ей делать с ними? Деньги убийцы пугали ее не меньше, чем сам убийца.

Человек ведь себя не знает, пока не попадет в ситуацию. Если бы пару недель назад ей в руки попали шальные деньги, уж она бы знала, как с ними поступить. О том, чтобы тратить эти, даже подумать не могла. Отдать в храм? Но отец Николай обязательно спросит, откуда. А ей было так страшно и гадко, что рассказать о том, кого она лечила все эти дни, было абсолютно невозможно.

Взять с собой? Приволочь в другую жизнь такое приданое? Исключено. И опять вспомнился детский тайничок. Света завернула деньги в пакетик и сунула на место паспорта. Пусть пока лежат здесь. Ей нужно время, чтобы отойти от всего этого. Потом решит.

Открыла все окна, чтобы и духу его в доме не осталось.

Правильно бабуля все время повторяла:

– Чем больше узнаю людей, тем больше я люблю зверей.

Эх, да что там! И почему-то Света подумала, что вот, когда она отнесет на помойку этот вонючий спортивный костюм, его тут же подберет какой-нибудь несчастный бомж. И будет горд своей добычей. У них на помойке постоянно жило несколько бомжей, даже лютой зимой. Помойка большая, крытая, за контейнерами не дует. И очень выгодная, привилегированная,

можно сказать. Потому что дом приличный, люди много чего полезного выбрасывают: одежду, обувь, сумки, мебель, даже холодильники и стиральные машины устаревших марок. Светка как-то заметила, что у них там, бездомных людей за контейнерами, стоят два ободранных кресла, это они свое жилье обуютили. И как-то, разбирая ненужные вещи, она отнесла туда старый пуховик брата, зная, что бомжам пригодится. А сейчас кто-нибудь из этих обездоленных радостно напялит на себя одежду настоящего страшного убийцы.

Нет, с этим надо поступить как-то по-другому. Сжечь, что ли? И простыни тоже.

Решено!

Она достала из кладовки большой цинковый бак, в котором когда-то кипятили белье, поставила его в ванну, сунула туда костюм. Что бы такое сделать, чтоб он лучше горел? Принесла пол-литровую бутылку ацетона, полила. Бросила в бак спичку. Пламя полыхнуло. Горело нормально. Света подбросила в огонь наволочку – милое дело! Потом простыни. Почти все сгорело; что не сгорело – обуглилось. Пахло гарью, зато исчезла вонь целебной мази. Как будто ее и не было. Высыпав черные клочки из остывшего бака в пакет, Светка запихнула в него и оставленную гостем сумку – утром выбросит, – вымыла ванну, бак, побрызгала все вокруг освежителем воздуха и уже совсем без сил встала под душ, смывать с себя весь этот ужас.

В ДРУГУЮ ЖИЗНЬ

1. Как жилось, не зная страха

Перед сном Света еще раз проверила все замки на двери. Как часто за эти без малого две недели мечтала она спокойно отоспаться! И вот – спи, сколько душе угодно, только сна нет, киллер унес вместе со своими жалкими пожитками, оставив после себя такой мучительный страх, какого она никогда до этого не знала. В ее жизни были жесткие эпизоды, из которых она благополучно выпутывалась именно благодаря отсутствию парализующего волю страха. Собираться в нужный момент – этому не научишь, это или есть, или нет.

Взять хотя бы ту историю из школьных времен, принесшую ей известность среди жильцов их огромного дома. Как-то зимой, непоздним вечером, заскучав от полусонного покоя семьи – дед читал газету, бабушка вязала, папа весь погрузился в свои ученые труды в ожидании еще не пришедшей с работы мамы, – Светка решила спуститься во двор, мусор выбросить и поболтать с кем-нибудь, кого погулять отпустили. Она чинно и очень неспешно прошла мимо занесенной снегом клумбы, мимо детской площадки, бросила мешок с мусором в контейнер, вернувшись к подъезду, встретила школьную подружку, выбежавшую на минутку прогулять собаку. Даже поговорить особенно не удалось, замерзла, ветер был колючий, порывистый. Попрощались, и, позвякивая ключами, Светка поскакала к лифту. В подъезде никого не было, стояла редкая тишина.

Лифт уже закрывался, когда в двери его протиснулся незнакомый запыхавшийся парень. Он не поздоровался и не нажал ни на какую кнопку. Свете было все равно. Поехали.

– Раздевайся, сука! – грубо приказал незнакомец и что-то приставил ей к горлу.

Она даже не подумала, что это нож. Поэтому не испугалась. Наоборот, собралась. Как перед экзаменом. И не волнение ощутила – дрожь вдохновения.

– Ты что, трахаться? – спросила она низким женским голосом, который делал ее более взрослой. – Так зачем в лифте-то? Пошли домой. Я одна!

Она позвенела ключами перед его носом. Насильник не почувствовал страха жертвы и оторопел. Это был не тот сценарий, к которому он, вероятно, привык. Не он диктовал, а ему предлагали.

Они вместе вышли из лифта, когда тот остановился на Светкином этаже. Света улыбнулась:

– Нож-то хоть опусти. Соседи увидят, милицию вызовут, нам это ни к чему.

Насильник, словно помимо собственной воли, сделал так, как она ему велела: опустил руку с ножом, но свободную положил ей на шею, словно за шкирку брал. Или обнимал? Света еще раз с улыбкой подняла на него глаза:

– Не торопись, сейчас дверь открою, войдем тихонько, запремся...

Он слушал как замороженный. Рука тянула Свету к себе.

– Сейчас, сейчас, потерпи.

Они вошли в прихожую. Света захлопнула за собой дверь и задвинула щеколду:

– Чтобы никто не вошел, – пояснила шепотом.

В коридоре было темно.

– Куда идти? – тоже шепотом просил парень.

Девочка сняла тяжелую потную руку со своего плеча, взяла в свою. Другой рукой решительно забрала оружие устрашения – нож.

– Давай его здесь оставим. Потом заберешь.

Парень не возражал.

Так, держась за руки, вошли они в гостиную к дедушке, бабушке и папе. Те оторопело взглянули на странную парочку.

– Деда, у него нож в коридоре. Он меня в лифте изнасиловать хотел.

Незванный гость метнулся к выходу. Не успел. Отец и дед среагировали молниеносно.

В милиции не могли поверить своему везению: так легко клюнувший на Светино предложение тип оказался тем самым терроризировавшим весь район преступником, на счету которого было более десятка искалеченных жертв.

Так она тогда и прославилась.

2. Открыть глаза

Почему же сейчас такой страх и такая тоска? Тогда рядом была вся семья, и это давало уверенность. Но тут было еще и другое: она безусловно верила каждому слову своего недавнего пациента. Света не сомневалась, что он действительно ее найдет, не важно где. Раз он решил ее «приобрести», получит. Таким образом она ставила под угрозу не свою жизнь – жизнь мужа, существование будущих детей.

Вместо долгожданного сна пришла какая-то зыбкая бредовая полудрема.

Очнулась она от долгого пронзительного звонка в дверь. За окном было еще темно. Что сейчас – ночь, утро? Кто это может быть?

Не открывать! Ни в коем случае не открывать!

Звонок не повторялся. Света босиком прокралась по длинному их коридору к двери. Замерла, прислушалась. Никого. Ни звука с лестницы – ни шагов, ни лифта. Сердце колотилось, подступая к самому горлу.

Вернулась, легла. Закрыла глаза. Может быть, это он возвратился? Не нашел себе ночлега – а тут поди плохо! А вдруг это за ним? Те, кто хотели лишить его жизни, выследили? И сейчас затаились с той стороны двери, ждут. Что им железная дверь, что им замки... Тихо отомкнут, войдут.

Она в ужасе открыла глаза. Прямо перед собой увидела дуло пистолета.

Тот, кто направлял на нее оружие, был полностью скрыт ночной тьмой. Дуло зияло жуткой бесконечностью смерти.

Она хотела закричать, отвернуться – и не могла пошевелиться.

И все. Сознание отказалось воспринимать дальнейшее.

Какое-то время она не существовала.

Очнулась оттого, что солнце било прямо в глаза. Сразу все вспомнила и удивилась, что жива. Неужели дуло в темноте было ночным кошмаром, сном? А кто же звонил в дверь? Да и звонили ли вообще? Или это тоже дремотная галлюцинация?

Днем все казалось совершенно не страшно и просто: слишком переутомилась, перепугалась и много-много всяких «пере». Надо было действовать просто: доубирать квартиру и привести себя в порядок, пойти сделать маникюр, что ли, подстричься. Это всем и всегда помогает собраться с духом.

И все-таки на собственную лестницу из родной квартиры выходить было жутковато, и окуроч у лифта показался подозрительным: вроде не было его вечером, когда этот, гость ее незванный, уходил.

«Да, сделала доброе дело, помогла «парнишке из провинции», теперь каждого окурка буду бояться», – горько усмехнулась Света.

Однако все шло спокойно и гладко, без пугающих неожиданностей.

Она попрощалась с друзьями, методично обзвонив всех, но никому не оставила своих новых координатов и даже на вопрос о городе, в котором ей предстояло жить, отвечала уклончиво:

– Не знаю даже... Не от меня зависит... Муж сказал – сюрприз. Надеюсь только, что сюрприз приятным будет.

И все охотно верили: у нас ведь так любят сказки про Золушек и принцев, так жаждут их, что, если какая-нибудь Золушка после пышной великолепной свадьбы будет говорить о тяготах и монотонных трудах своей новой жизни, ее дружно презирают, уверенные, что та попросту бессовестно прибедняется, чтобы не слишком завидовали, не сглазили.

А в том, что удачливую Светку ждет жизнь невероятно прекрасная, принцессно-сказочная, да что уж там – попросту райская, никто из друзей и знакомых ни капельки не сомневался.

3. Было и быльем поросло

В доперестроечные и раннеперестроечные времена отец ее уже был очень успешным астрономом, хорошо известным на Западе. Он считался «выездным», ездил по приглашениям на всевозможные конгрессы, симпозиумы. И не один – с женой. Весь погруженный в любимое дело, он мало придавал значения политическим событиям и житейским мелочам.

И только когда рухнул проект, который он считал делом своей жизни, наступило прозрение и полное неприятие того, что многие его коллеги называли свободой и демократией.

Он мог продолжить свои исследования только за пределами своей развалившейся, разворванной родины, поэтому не раздумывая принял приглашение крупной европейской обсерватории. Мама радовалась несказанно, уверенная, что таким образом устраивается судьба детей: Светочка прекрасно доучит свой английский-французский не в инязе Мориса Тореза, а, к примеру, в Сорбонне, а Егорке не будет грозить армия, при одной мысли о которой тревожно холодело ее материнское сердце.

Света тогда училась на первом курсе: поступление далось ей невероятно трудно, хотя по-английски она с детства говорила бегло, но полагалось нанимать репетиторов по всем экзаменационным предметам. Репетиторы, естественно, жили в разных концах Москвы и натаскивали так, словно собирались дать своим частным ученикам высшее образование еще до поступления в вуз. Голова в прямом смысле шла кругом, а жизни Светка вообще целый год не видела: школа, репетиторы, уроки, задания, бесконечные пересадки на метро, вагонная давка, пустые глаза пассажиров.

Достигла цели. Поступила.

А теперь – здрасте – бросать все и уезжать. Нет уж! У них сколотилась уже своя компания, и учиться было легко после репетиторских накачек, она только вздохнула после непрерывной и беспощадной годовой гонки. Так и сказала своим:

– Вам надо – вы и езжайте. А у меня своя жизнь и свои планы на собственное будущее.

Мама плакала, кричала, давила, промывала мозги. Отец принял сторону дочери:

– Оставь ее. У девочки должно быть право выбора. Голова на плечах у нее есть. Пусть использует эту голову по назначению: сама решает, какую дорогу выбрать. Ее жизнь – это, в конце концов, ее жизнь.

И пришлось маме покориться.

Так что уехали втроем: папа, мама и брат Егорка. Осталась Света с дедом и бабушкой, которые взялись «пасти» ее, единственную, с удесятеренным старанием.

Мама регулярно приезжала, уговаривала, подлизывалась, писала письма со старыми каламбурами, типа «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо там...»

А Светка просто великолепно себя чувствовала: своя тусовка, ночные клубы, разные люди. К тому же после третьего курса ей здорово повезло: удалось устроиться переводчицей в крупную фирму на восемьсот долларов в месяц, и она чувствовала себя абсолютно финансово независимой.

Была и еще одна причина, по которой Москву оставить не получилось бы никак. Вполне даже уважительная. Называлась она – любовь. Света влюбилась на первом курсе, отчаянно, погибельно влюбилась. И все как-то странно, неправильно, не вовремя и не так, как ожидалось в мечтах, получилось у нее в этой любви.

У кого-то бывает любовь с первого взгляда, у кого-то с десятого. А у Светки получилось со стотысячного взгляда, наверное. Потому что влюбилась она в Сережку, Инкиного старшего брата. И ведь что странно: ходили с Инкой в школу с первого класса, чуть ли не каждый день бегали друг к другу в гости. Дрались с Сережкой, когда он лез в их игры. Жестко дрались, бес-

пощадно. И никогда бы она не подумала, что при одном только его имени у нее будет щемить сердце и кружиться голова.

А получилось так. Инка в первую сентябрьскую субботу пригласила всех школьных друзей-подруг отметить начало новой, взрослой жизни. Родители постарались: накрыли очень красивый стол, произнесли приветственные речи, адресованные «племени младому, незнакомому», и отбыли на выходные на дачу, демонстрируя тем самым свое доверие к «племени» и добрую волю.

Было действительно очень весело и очень легко. Школа позади. Никаких долгов. Никаких ежедневных уроков. Счастье. Все немножко выпили. Именно немножко. Никому не хотелось напиваться и дуреть. Несколько глотков в ознаменование... Но, может быть, от того, что все было теперь так легко и свободно, Светку повело. Она даже головокружение почувствовала от слегка пригубленного легкого вина. Глупо улыбаясь, вышла она на балкон, прислонилась к кирпичной стене и с наслаждением прислушалась к вечернему шуму родного города. Тепло было по-летнему. А в душе сама собой расцветала весна. Она и не заметила, что рядом кто-то стоит, пока этот «кто-то» не взял ее осторожно за руку.

– Сережка! – тихонько выговорила она, словно в первый раз его окликнула.

– Святка! – произнес он имя, которое в хорошую минуту как-то выдумал для нее, сказав тогда, что святки – это праздники, а Светка и есть ходячий праздник.

Они обнялись и стали целоваться.

Что же это такое с ними случилось? Почему не раньше и не позже, а именно в тот вечер? Как будто брели впотьмах, и вдруг – вышло солнце, все осветило, и все стало ясно и понятно в один миг. И ничего другого просто быть уже не могло.

Как дальше продолжалось дружеское веселье, было им неведомо. Просто остались на всем белом свете, во всей черной ночи Сережа и Святка, два разных человека, которые друг без друга больше никак не могли. И не смогли бы никогда и ни за что.

Он был свой, знакомый-презнакомый. И совсем новый. Потому что отныне – любимый. Она не боялась с ним ничего. Она все знала про него.

Они тихонько просочились с балкона в гостиную. Все разбрелись кто куда. Кто-то курил на кухне, кто-то целовался. Инка в тубзике громко болтала по телефону со своим парнем, который не пришел на праздник из-за какого-то непонятного концертного турне.

Не говоря ни слова, Светка увела Сережку к себе. Все ее семейство проводило начало осени на даче. Дома было спокойно-спокойно. И на душе Светкиной царил покой. Странно: сердце колотилось не только в груди, а где-то в пятках, в висках, в горле, в кончиках пальцев. Но душа светилась спокойной радостью: она нашла свою половинку.

Они целовались, ласкали друг друга, ничего больше не было между ними той волшебной ночью. Они узнавали, не спеша и не боясь, какую радость смогут дарить друг другу, любя.

– Святочка, праздник мой вечный. – Любимый целовал ее волосы, пальцы, плечи.

– Сереженька мой...

Так они провели два дня и две ночи. Только в ласках и нежности. Немыслимо. А было. И именно так.

Сережа не спешил. Не настаивал на окончательной близости. Он любил. И вполне готов был ждать. Они были рядом-рядом, в поцелуях, задыханиях, во всей полноте и мечтах юности.

И хорошо, что все случилось так, а не иначе.

Он сказал, что они должны пожениться. И быть все время оставшейся жизнь вместе и друг для друга. Сережа гладил ее, и целовал, и любовался, и не верил своему счастью. А она... Ну разве можно описать ее блаженство, негу, гордость, ликование, страх, желание, чтоб он настоял и было все-все... И радость от того, что бережет и не настаивает. И готов ждать.

Они обещали друг другу, что станут мужем и женой. Она только просила дать ей немножко времени. Ну, до третьего курса. Ей надо было освоиться. Привыкнуть к себе повзрослевшей. К тому, что он есть. И она его любит.

Об одном только умоляла Светка своего любимого: никто не должен о них знать. До поры до времени никто знать не должен. Ни даже самая дорогая подруга Инка, ни Светкин младший братец Егорушка, ни – тем более – родители с обеих сторон.

Потом Светка даже себе не могла объяснить, почему ей так хотелось тайны. Но при мысли, что о них кто-то узнает, у нее начиналась самая настоящая паника, мистический ужас. А ведь и узнавать-то было нечего. Ну, целовались, ну, гладил он ее грудь, трепетно, любовно, нежно, как только истинно любящий мог.

Тут дело было в другом. Именно в страхе растоптать тайну. Казалось, узнают – и исчезнет любовь. Она почему-то очень стеснялась именно перед Инкой. Ну, было прежде ощущение, что Инкин братик и ее, Светкин, братик тоже. Ей в детстве ужасно хотелось, чтоб у нее был старший брат – защитник и друг. Она не раз говорила Инке, какая та счастливая, что у нее есть Сережка. Вдруг Инка решит, что она, завидуя, захотела отнять у нее брата, забрать его себе? Кончится их дружба, которой Светка так дорожила.

Все эти рассуждения являлись, конечно, полной чепухой. Почему должна была бы кончиться дружба? Что такого, что старший брат полюбил лучшую подругу сестры, которую знал с младенческих времен? Не самое ли это естественное и понятное? Однако ничего с собой поделывать девушка не могла, хоть и по уши была влюблена и жизни дальнейшей без своего Сереженьки не представляла.

И вот они хранили эту тайну изо всех сил. Долго-долго. Встречались далеко от дома. Ходили в окраинные киношки, брали билеты на последний ряд и целовались, целовались.

Светлана рассказала своему духовнику о счастье любви.

– Женитесь, – посоветовал он.

– Но я же на первом курсе только, – возразила она.

– Самое страшное – погубить любовь. А учение и супружество друг другу не помеха. Любовь все преодолет.

Она не послушалась. Словно кто-то нашептывал ей изнутри, что куда, мол, спешить, и – даже – неужели это все... Неужели эта влюбленность – первая и последняя?

Чего ей тогда не хватило? Цельности ли духовной, веры, ума?

Как бы то ни было, но произошло так, как произошло.

В конце января начались первые в ее жизни студенческие каникулы. Они с Сережкой тайно поехали к ней на дачу. Деду с бабушкой она непонятно зачем наврала, что едет в пансионат. Привычка таиться перерастала потихоньку в привычку врать, причем без всякой надобности.

Снега намело по пояс. Еле до дома от станции добрались. Потом еле растопили печку. Все равно никак не могли согреться. Разделись, залезли под перину, обнялись, дрожа. Сережкины ласки сводили Светку с ума.

– Пусть мы будем совсем-совсем вместе, – шептала она. – Прямо сейчас.

И, конечно, сдерживаться дальше было невозможно. Все и произошло. И так мощно, безогладно, безжалостно даже, как ей показалось тогда. Сережа будто забыл и себя, и ее. Он не был жестоким, нет. Но он был другим. Мужчиной. Он ее брал. Откуда-то зная, как ей будет лучше, как не причинить лишнюю боль, но при этом он становился захватчиком, а она добычей.

Света очень остро тогда ощутила, что кончилось их равноправие. Появилось желание, страсть, страх забеременеть. То есть – 33 удовольствия. Но дружеское равноправие исчезло. Может, и не навсегда. Но тогда ей, неопытной и глупой, казалось, что все прежнее кончилось той зимней январской ночью.

Сережа ничего такого не замечал. Он любил. Ждал, когда она решится объявить всем о них. Наверное, мужчины устроены правильнее женщин. По крайней мере, некоторые – точно. Светка гнула свою линию: третий курс – и ни месяцем раньше.

Ощущение исчезновения дружбы привело ее к ревности, страху, желанию уязвить и заставить его ревновать. Он, может, думает, что она так легко ему досталась?

И поделиться было не с кем. Она стеснялась пойти на исповедь, боялась, что батюшка перестанет уважать ее после того, что она сама со своей жизнью сотворила.

Тем не менее в таком смятенном состоянии Света дотянула до конца второго курса. Сережа как раз окончил свой университет и собирался в аспирантуру в Штаты. Такая тогда была главная фишка: попасть за границу и постараться там обеспечить себе легальное пребывание и карьеру. Он снова настойчиво позвал Свету замуж.

– А моя учеба? А моя карьера? – взорвалась почему-то она.

На что она тогда обиделась, ей самой было не понять. Какая-то девичья блажь. Или дефекты характера. Но вроде в итоге договорились они, что Сергей прилетит в Москву в конце декабря, они объявят всем о своем решении и подадут заявление в загс. То есть впереди у них было лето. Потом первая в их жизни долгая (на четыре месяца!) разлука... Но сначала – лето.

Летом и произошло необъяснимое. После сессии договорились огромной компанией покататься на теплоходике по Москве-реке. Инка привела Сережку. И они со Светкой делали, как обычно, вид, что ничего между ними нет. Естественно, к нему подкатывались со всех сторон их с Инкой жаждущие отношений однокурсницы, ни сном ни духом не подозревавшие, что он-то уже не свободен. Сережка улыбался, смеялся, общался. А Светка ревновала уже совсем не по-доброму. Каждую из этих «претенденток» ей хотелось взять за шкуру и бросить в маслянистую воду любимой реки. И ничего лучше она не придумала, как начать на глазах Сергея целоваться с каким-то парнем, которого, кажется, даже не знала, как зовут.

Сережино веселье сняло, как рукой. Он смотрел на нее, будто не веря своим глазам. Будто сон смотрел кошмарный, который никак не прогонишь, от которого проснуться не получается.

Это было все. Совсем.

Светка поняла по Сережиным глазам, что он больше не с ней. И что ничего поделать нельзя – что сделано, то сделано.

Он после этой проклятой прогулки не звонил. Она несколько раз пыталась вызвонить его, но к телефону подходила Инка, они болтали. Инка тревожилась, что брат как-то странно заболел, а к врачу не идет: лежит лицом к стене, не ест ничего. Переутомился? Или что-то серьезное? Но он никого к себе не подпускает и ни с кем не говорит.

Светка тоже лежала, тоже не ела, почти не спала.

В конце лета он улетел в свою аспирантуру. Они так и не увиделись.

Юность – странное время. Почти всегда человек в этот период своей жизни предает сам себя. Просто так, словно пробуя надежность почвы под ногами. Срывается, выкарабкивается, живет дальше, стараясь забыть об ушибах. Непонятно, зачем это устроено именно так, да, видно ничего не поделаешь.

Все! Надо было жить дальше и не сметь думать о том, чего не вернешь.

Так Светка и старалась. Изо всех сил. И постепенно, месяц за месяцем, у нее получилось не вспоминать.

Зимой Сережа не прилетел. И вообще больше не прилетал – дела. Родители и Инка летали к нему.

– Суровый стал, – жаловалась подруга, – Перековался в своем капиталистическом раю.

Но Светка не могла себе позволить продолжать разговоры на эту тему.

Любовь была погребена навсегда.

Когда она оканчивала институт, родители получили европейское гражданство, очень быстро, видно, отцовские заслуги на астрономическом поприще были велики.

Внезапно умер дедушка, и семья опять собралась вместе на короткое время.

Бабушку решили безоговорочно забрать к себе: хватит ей в своей больнице за гроши надрываться, и так уже пенсионный возраст на сколько «перегуляла». Да та и не сопротивлялась, осиротевшая, поникшая.

Светлану оставили в покое: взрослая, самостоятельная. Не пропадет.

Кто мог знать, что в течение нескольких месяцев все решится иначе?

ТОЛЬКО ТЫ

1. Встреча

Светка как раз начинала уставать от своей одинокой независимости. Жизнь теперь стала казаться однообразной: исчезли сессионные институтские лихорадки, потихоньку распадалась бывшая студенческая тусовка, девчонки повыходили замуж.

Рутинная работа, пустой дом, в котором ее никто не ждал, одни и те же лица в одних и те же клубах – тоска временами одолевала нешуточная.

По давним Светкиным планам, ей полагалось бы выйти замуж за Сережку, родить ребенка, потом еще одного, крутиться в любовных заботах... Но об этих планах даже вспоминать было строго-настрого запрещено самой себе.

Что оставалось? Жить для себя. Так красиво называлось ее существование, приносящее все меньше радости.

В тот вечер они с подругой несколько перебрали и танцевали как сумасшедшие что-то невообразимое, заряжая всех своей неумной энергией. К ним присоединился парень, классный, веселый, красивый. Только одет он был как-то слишком пафосно для такого неформального места, где они с такой самоотдачей расслаблялись. Вскоре все стало ясно-понятно: не свой оказался парень, гость с чужих берегов, иностранец.

После бешеного танца он вежливо взял Свету под руку и пригласил за свой столик.

– I'm not for sale², – вырвала она руку.

– But I wasn't going to buy anything, – успокоил «красавец хоть куда» своенравную танцорку. – You're very stylish³.

Его английский оказался вполне беглым, но произношение – так себе. С чисто профессиональным любопытством Света поинтересовалась, из какой страны приехал ее уверенный в себе партнер. Оказалось, что из Италии. Он не был скучным, как другие иностранцы, которые чаще всего вели себя по-жлобски или слишком нагло, решив, что Россия – самое подходящее место для избавления от комплексов неполноценности и прочего психопатологического хлама, приобретенного в своих спокойных благополучных странах «первого мира».

Света не выносила, когда американцы начинали учить жить. Ей казалось, что чуть ли не каждую фразу любой американец, живущий в России, начинает словами: «А вот в Америке...» И дальше шел довольно стандартный текст на тему: «Как хорошо в Америке и как погано в России».

Сначала, когда все это имело еще некий интригующий налет новизны, она слушала, прижимала близко к сердцу, а потом, после командировки в Нью-Йорк, где от жителей шло страшное напряжение, где возникало тягостное ощущение, что все насквозь пропитано запахом денег и люди жадно дышат деньгами, едят деньги и думают только о них, где свежим взглядом легко было увидеть тихое (а иногда и не очень) помешательство его несчастных обитателей, она перестала щадить патриотические чувства своих американских собеседников, делающих огромные состояния в Москве и при этом презирающих русских в открытую, и на каждое упоминание о «вот в Америке» отвечала по-английски: «Ну и вали туда, бой, если здесь не нравится». Жестко ломала им их воздушный ностальгический кайф. А потом просила на минуточку представить, что было бы, если бы она, живя в Америке, поучала тамошних местных жителей уму-разуму со своей колокольни. Обидно ведь было бы? Не поняли бы, правда? Впро-

² Я не продаюсь (англ.)

³ А я ничего не собирался покупать... Ты очень стильная (англ.).

чем, никто никого переделать бы не смог, как ни старался. Американцы продолжали из всех сил собой гордиться. Доверчивые до поры до времени русские слушали про состоявшийся земной рай за океаном. Все шло своим чередом...

Но с этим итальянцем только потому она и разговорилась, что парень так искренне и открыто восхищался Москвой, так горячо и честно рассказывал, какие русские люди оказались культурные и умные. Он там, у себя, был уверен, что здесь всегда стоит страшный холод, и местное население после коммунизма живет бедно, чуть ли не в землянках обитают, обильно припорошенных вечными снегами. А тут его недавно привели в одну обычную московскую квартиру, и там на кухне стоял холодильник (он произнес это с восторженным ударением и сделал многозначительную паузу), а в гостиной – телевизор!

Света даже сначала не очень-то и поняла причину его неумеренного восторга, она-то, например, перлась бы, попадись ей такая семья, которая не держит дома «ящик» и свободное время проводит не бессильно вперившись в экран, а как-то более оригинально. Но тем не менее ее покорила этот доброжелательный наив гостя. И они подружились.

Марио находился в Москве не как турист: он налаживал колоссальное текстильное производство, филиал их семейного дела. Его «оперное» имя Свету поначалу смущало, она не могла в обычной болтовне говорить высокопарное Ма-ри-о. Стала звать его Маша. Есть же имена-унисекс – Саша, Валя. Пусть к ним прибавится еще и Маша.

Ему жутко понравилось.

– Но и я тебя буду звать, как мне легче, – предупредил он.

Итальянцу невозможно выговорить правильно начальные звуки ее имени, «св» – это слишком трудное сочетание. Он сначала старательно произносил: «Звэта, а узнав значение этого имени, стал называть ее Кьяра – что в переводе и значило «Света».

2. Объяснение

Через пару недель после его отъезда Света поймала себя на том, что ждет ежевечерних звонков из Италии уже с утра. Ей стало неинтересно куда-то ходить по вечерам, она жила то предвкушением разговора, то воспоминанием того, что он сказал, как сказал Марио, как засмеялся, его упрямого акцента в английском. Стала учить нетрудный для нее итальянский – первый признак влюбленности (она всегда, влюбляясь, стремилась приблизиться к человеку, читая то, что он читает, слушая его музыку, увлекаясь его увлечениями).

Он происходил из хорошей, известной (по-старому бы сказали «знатной») семьи, богатой не в первом и не во втором поколениях. Он гордился своими предками, называл какие-то звучные, но ничего не говорящие Свете родовые имена.

Однажды Марио рассказал ей, как в детстве, когда учился в начальной школе, у них в классе брали интервью люди с телевидения, и у него спросили, богаты ли они, а он не знал, как это.

– А где ты живешь?

– В доме, – мальчик просто не понимал, о чем тут спрашивать.

– В большом доме?

– Наверное, в большом. Нет, не очень. Другие дома у нас больше, этот мне очень большой.

– И сколько комнат в этом небольшом доме?

А он и не знал, что это важно, что нужно сосчитать. Ответил масштабно:

– Десять. Или двадцать. Я вам завтра точно скажу, ладно?

Дяди с телевидения выглядели веселыми, добрыми, ему ужасно хотелось с ними подружиться, он вообще был общительный.

– И где еще у вас дома?

– На Луганском озере. На озере Комо – мой любимый, очень красивый. А еще – не помню. Я не во всех был.

– А что делает твой папа?

– Работает на фабрике! – Марио гордился своим отцом, они были большие друзья.

– Кем? Рабочим? – вкрадчиво спросил улыбчивый дяденька.

– Наверное, да. Не знаю точно. Мама говорит, что он работает как вол. Но как называется работа, я тоже завтра скажу, я у него спрошу.

Дядьки переглянулись.

– Есть ли что-то такое, что ты очень хочешь, но не можешь получить? Подумай хорошенько.

Он старательно думал изо всех сил. Мороженого не дают, сколько хочет, но все-таки дают. Спать уводят рано, когда в доме начинается самое интересное. На пони кататься разрешают всего час. Но если быть честным перед чужими людьми, то надо признать: чтобы чего-то не дали, когда просил, – нет, такого не было. И он ответил:

– Нет, такого нет.

И снова дядьки многозначительно посмотрели друг на друга.

Назавтра они не пришли, хотя Марио уже все знал про комнаты в их миланском доме и про то, кем работает папа.

Зато Первого мая его показали по телевизору. Не только его, конечно. Там многих детей расспрашивали. Это была программа, подготовленная коммунистами. Они показывали и совсем бедных детей, которые жили со всей семьей в одной большой комнате деревенского дома, которым родители не могли купить ничего из того, что они просили.

Марио смотрел передачу и очень жалел их.

Перед тем как показать материал, отснятый в их школе, на экране появился тот самый улыбчивый друг с телевидения, который задавал ему вопросы, и очень сурово сказал, что вот как людям живется, но что, дескать, есть и другие. И на экране появилась гладкая, добродушная, оживленная физиономия Марио.

Он почувствовал, как родители напряглись. Но мальчик знал, что не подвел их: ведь он не обманывал, вел себя вежливо, отвечал четко, полными предложениями, с хорошей дикцией.

Отец и правда остался им доволен:

– Вот именно, сынок, работаю как вол. А если не буду так работать, кто же им обеспечит рабочие места? Об этом им бы тоже не мешало сказать! Мои рабочие это понимают, мы не враги. У меня за все эти годы ни одной забастовки не было. А они из моего сына хотели дурачка сделать! Но не вышло!

Так началось политическое и экономическое образование будущего наследника огромного промышленного производства.

Он был единственным сыном, и выбора у него не было – с детства знал, кем станет. И с радостью готовился «работать как вол» вместе с отцом.

Окончив лицей, год трудился на фабрике рабочим, чтобы понять производство с азов (и он не был единственным богатым наследником в Италии, поступившим подобным образом).

Дело расширялось, у них были фабрики в Китае, в Индии – он должен был успевать повсюду. Сил хватало на все: окончил университет, занимался спортом, даже книги успевал читать. Россия его притягивала с малых лет – с фильма «Морозко», увиденного на Рождество, а потом с музыки Чайковского и Рахманинова. Читал главных русских писателей – Достоевского, Лео Толстого и Чехова. Очень удивился, узнав, что самый-самый первый в России – Пушкин. Ничего про него не знал, только имя слышал.

Светка велела ему прочитать «Дубровского». Отыскал, прочел. Позвонил печальный: какой ужас, какая страшная жизнь. И ведь совсем недавно: рабство, замуж насильно... Но Маша! Какая необыкновенная Маша!

– А я в детстве на нее сердилась, – призналась Света, – обижалась, почему она не убежала со своим Владимиром. Не могла понять, почему она ответила ему: «Поздно».

– Но ведь она сказала: «Я обвенчана», она в церкви дала клятву верности, – у Марио даже голос дрогнул.

Он был свой! Он все понимал! И Пушкина, наверняка испорченного переводом, почувствовал.

Марио приезжал часто, вел себя со Светой бережно и почтительно. Но никогда не говорил о любви, вообще о своем отношении к ней. Она скучала, знала уже, что влюбилась. Мучилась, что он далеко, что богат и не может она из-за этого просто сказать ему: «Маша, родной, я не могу без тебя, давай будем вместе». Притворялась веселой и беззаботной, а душа болела, тосковала, рвалась к нему.

Объяснение их произошло незабываемо.

В тот раз, прилетев в Шереметьево, он, не заезжая в Москву, направился в Рязань на какую-то спешную и очень важную деловую встречу. Вечером позвонил оттуда и попросил разрешения приехать.

– Только это будет поздно, – предупредил, – но я должен сегодня обязательно тебя увидеть.

Приехал ночью, как и обещал. Белый, глаза запавшие, губы синие.

– Прости, мне в туалет...

Разволновавшаяся, Света слышала, как его рвало. Оказывается, он, смертельно проголодавшись, наивно купил в Рязани на улице три пирожка с мясом. Самоубийца! И вот – результат. Отравился серьезно, чуть ли не до судорог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.